

Ван Цзиншань тоже заметил, что у самого горизонта что-то показалось.

С виду оно напоминало огромный осьминожий ус.

Он перегнулся через борт, силясь разглядеть его получше, но в то же мгновение оно резко ушло на глубину. Накатила волна, взметнулись брызги — и всё исчезло без следа.

— Это точно осьминожий бог! — взволнованно завопил лодочник.

Странное дело: чудовище исчезло, а Ван Цзиншаня вдруг охватило тоскливое, необъяснимое чувство опустошённости.

Он ощутил какую-то зыбкую, невидимую связь между собой и этой тварью. Кругом глухо шумели волны, но в самом сознании Ван Цзиншаня вдруг отозвался вязкий, утробный гул, пробившийся сквозь грохот прибоя. словно чуждый, потусторонний шёпот из глубин иного измерения.

Больше эта тварь им не попадалась.

Ловить рыбу обоим расхотелось, и до самого берега они плыли в тяжёлом, тревожном молчании.

На обратном пути Ван Цзиншань всё же не выдержал и спросил:

— Профессор, как думаете, в легендах местных рыбаков о глубоководных чудовищах есть хоть доля правды?

— Разумеется, — отозвался Смит. — Собственно, ради этого я сюда и приехал.

— Но если вы никогда не видели их своими глазами, как докажете, что они существуют?

— Я не видел, зато видел мой дед, — Смит поправил очки. — Он служил на флоте во время Четвёртой мировой и у Острова осьминогов ухитрился сделать снимок. Одно только щупальце той твари было размером с приличный корабль. Официально самым крупным экземпляром считается гигантский осьминог Тихого океана — девять метров в охвате и под триста килограммов веса. Но дед божился, что повстречал монстра длиной в сорок метров. Настоящий левиафан, не меньше кита.

— Вот оно что, — сообразил Ван Цзиншань. — Решили найти его или его потомство и переписать все научные справочники?

Профессор лишь загадочно усмехнулся в ответ.

И всё же водить дружбу со Смитом оказалось полезно. Сейчас он заменял целую энциклопедию. С тех пор как Ван Цзиншань ступил на этот остров, осьминоги не давали ему покоя — его так и подмывало разузнать о них как можно больше.

— Думаете, то, что мы только что видели... из той же породы? — поинтересовался Ван Цзиншань.

— Всё может быть, — уклончиво ответил Смит.

Немного подумав, Ван Цзиншань задал другой вопрос:

— Профессор, а каковы шансы, что осьминог убьёт человека?

— Осьминог вряд ли станет целенаправленно охотиться на людей, — рассудительно произнёс Смит. — Но вероятность такого исхода никогда не равна нулю.

Мудрёно завернул.

Ван Цзиншань хотел было расспросить подробнее, но Смит заговорил сам:

— Эти существа поразительно умны. Среди беспозвоночных им нет равных: они моментально учатся и приспосабливаются. Мои коллеги-учёные частенько ловят себя на щемящем чувстве тревоги, когда наблюдают за ними. Кое-кто даже в шутку заявляет, будто осьминоги просто затаились на глубине и ждут своего часа, чтобы прибрать к рукам власть над миром. Глупости, конечно, но отрицать их феноменальный интеллект невозможно.

Ван Цзиншань задумчиво поскрёб подбородок.

"Не зря старики говорят, что от рыбы умнеют. Я этих осьминогов с детства столько слопал — глядишь, и мне ума привалило"

— Весь их век — как... как это по-вашему? Вспышка ночного цветка? — спросил Смит.

— Мимолётен, как цветок кактуса, — поправил его Ван Цзиншань.

— Точно, именно. Из-за такой короткой жизни они просто не успевают накопить знания, да и особого стимула учиться у них нет. Всё, что им отпущено природой — это успеть оставить потомство. Так что нет ничего странного, что люди о них так мало знают.

Ван Цзиншань с грустной улыбкой вспомнил крошечного осьминожка, которого спас во время каникул, когда ему было девятнадцать.

"Шесть лет утекло... Наверное, бедняга давно испустил дух"

Ещё издали Ван Цзиншань приметил мальчишку, примостившегося с книжкой прямо на ступенях полицейского участка.

Вздыхнув, он выудил из кармана ключи, подошёл поближе и отпёр дверь.

— Заходи внутрь. Сейчас лампу зажгу, глаза испортишь.

Грей молча сгрёб учебники в ранец, двинулся следом и, даже не подумав сказать «спасибо», устроился за свободным столом.

Ван Цзиншань давно привык к этим внезапным визитам.

Его тётка, приютившая сироту, держала парикмахерскую. Дома вечно толклись клиенты, стоял несмолкаемый гул, так что об уроках не могло быть и речи. Вот пацан после школы и прибежал в участок — тихо сидел в углу, корпел над тетрадками, а сделав дела, уходил восвояси.

Ван Цзиншань и сам был бы рад оформить опеку, да куда там — бобыль бобылём, на полицейское жалованье едва концы с концами сводил.

День выдался жарким, и Грей пришёл в футболке. На его тонких детских руках виднелись багрово-жёлтые следы побоев.

Ван Цзиншань тяжело вздохнул, стараясь не смотреть на сходящие синяки. Лишь на днях он узнал, что покойный отец мальчишки был горьким пропойцей. Тот нещадно колотил жену, да и сына не щадил. Настоящий зверь.

"Туда ему и дорога. Поделом"

По-хорошему, неведомый убийца, кем бы он ни был, совершил благое дело — пресёк этот кошмар.

Сгустились сумерки.

— Я пошёл, — негромко бросил Грей в сторону жилых комнат.

Из душевой как раз вышел Ван Цзиншань, вытирая мокрые волосы полотенцем. Из одежды на нём была лишь набедренная повязка-полотенце. На мускулистом торсе, расчерченном чёткими кубиками пресса, белели старые шрамы от пуль и осколков — суровые отметины былой службы, которые только добавляли его облику дикой, притягательной мужественности.

Но мелкому пацану до этого не было дела. Грей даже не взглянул на него — развернулся и зашагал к выходу.

— Погоди, — окликнул его Ван Цзиншань. Он достал из потёртого бумажника несколько купюр и вложил мальчику в ладонь. — Держи. И помалкивай. Купишь себе чего-нибудь поесть.

Грей опустил глаза и медленно сжал кулак, пряча деньги.

— Спасибо.

— Надо же, дождался-таки от тебя благодарности, — беззлобно усмехнулся Ван Цзиншань и взъерошил ему вихры.

Ночью у тётки было шумно, как на базаре.

Об ужине для Грея никто не позаботился. Урчащий от голода желудок погнал его прочь из дома. Он привычно скользнул за дверь, пролез через узкий лаз в заборе и припустил по горной тропе.

Ветер бил в лицо, шуршал сухой камыш. Мальчик бежал к огромному прибрежному рифу. Местные обходили это место десятой дорогой — поговаривали, когда-то здесь утонул самоубийца. Из-за дурной славы скалы пустовали, со временем превратившись в их тайное прибежище.

Лунный свет серебрил беспокойную гладь, волны с грохотом разбивались о камни. Оглушительный рёв прибоя заполнил всё пространство, но Грею здесь казалось на удивление спокойно.

— Осьминог, ты тут? — позвал он шёпотом.

Тёмная бездна глухо мерцала, не давая ответа.

Прошло немало времени. Мальчик уже свернулся калачиком на камне и начал засыпать, как вдруг послышалось шуршание: шлёп, шлёп... В темноте его макушки коснулось скользкое, багровое щупальце, с которого капала слизь.

Раздалось жуткое, утробное шипение, словно из самых глубин преисподней.

Грей не испугался — наоборот, радостно подскочил на месте.

— Наконец-то! Что так долго? — в его голосе прозвучала детская обида.

Замкнутый и нелюдимый со сверстниками, перед этим существом он раскрывался полностью.

Но гигантскому моллюску сегодня было не до пустой болтовни.

Раздалось настойчивое хрипение. Из воды на скалу выползло второе щупальце, затем третье. Следом из пучины поднялась исполинская тень, заслонив собой весь горизонт.

У Грея отвисла челюсть.

— Ну и махина... — прошептал он.

Раньше осьминог почти не показывался из воды, пряча основную тушу под волнами, да и ночная темень мешала разглядеть его истинные масштабы.

Глаза монстра налились зловещим багрянцем. На кольцах бесчисленных щупалец безостановочно извивались склизкие присоски — от одного вида этого кошмара у любого взрослого кровь стыла бы в жилах. Но Грей лишь упрямо выпрямил спину.

— Чего тебе? — спросил он.

Чудовище медленно, совсем по-человечески кивнуло огромной головой. Говорить оно не умело и могло объясняться лишь знаками.

Его самочка проголодалась. Ей нужно подкрепиться. Выбраться на сушу сам он не мог, а потому ему позарез требовался помощник, способный сбежать по поручению.

Попытки огромной твари изъясняться жестами выглядели нелепо и даже комично. Но за долгие месяцы дружбы Грей научился понимать её без слов.

— А почему я не могу жениться на тебе, когда вырасту? — ревниво спросил он. — Я бы родил тебе детёнышей.

Мальчик, конечно, мало что смыслил в деторождении. Для него осьминог был любимой, единственной игрушкой, делиться которой он ни с кем не желал. В конце концов, это ведь он обучил монстра человеческим повадкам и значению слов!

Осьминог мотнул головой. К тому времени его самого уже не будет в живых.

К тому же... человеческие детёныши его совсем не привлекали. Скорее всего, он пытался выразить именно это.

"Любовь" — слишком сложное понятие для чуждого разума. Оно знало лишь одно: непреодолимый зов плоти, жажду продолжения рода, которую испытывало только к тому, другому человеку.

Грей насупился, нащупывая в кармане подаренные полицейским купюры.

— Ладно, — нехотя согласился он.

В ту же секунду щупальце вытолкнуло на берег огромную рыбину весом под пятьдесят килограммов. Рыба отчаянно била хвостом по мокрым камням, поднимая тучи брызг, отчего Грей моментально промок до нитки.

Вытерев лицо ладонью, мальчик хмуро заметил:

— Она слишком тяжёлая. Я её до участка ни за что не дотащу.

Осьминог уставился на него с глубокой тоской.

Разве этот крошечный детёныш сможет принести достаточно еды, чтобы насытить его пару? В его первобытном сознании прочно засело знание: в период спаривания самка пожирает всё на своём пути. Если её не кормить досыта, она сожрёт самого самца прямо во время совокупления.

Грей наблюдал, как гигантские конечности в нерешительности перебирают камни, и невольно улыбнулся. Всё-таки этот грозный монстр бывал на редкость умирительным.

Вдруг осьминог приподнялся, и из основания его туловища медленно выдвинулся странный отросток.

Он разительно отличался от обычных щупалец — не такой длинный, плотный, толщиной с мужскую руку. Его венчала утолщённая головка маслянисто-фиолетового цвета с глубоким желобком, туго набитым чем-то изнутри.

Исполин заворочался, обхватил этот отросток двумя другими щупальцами и резким, безжалостным движением оторвал его от себя.

В темноте забил фонтан густой лазурной крови.

Грей заворожённо застыл перед этим жутким и величественным зрелищем.

Одно из щупалец бережно протянуло ему оторванную плоть.

— Что это такое? — прошептал мальчик.

Осьминог не мог ответить.

Это был его гектокотиль — тайный орган, без которого продолжение рода их племени было невысказано.

Обычные конечности отрастут заново, но гектокотиль даруется самцу лишь единожды за всю жизнь. В брачный период он бережно подносит самке в качестве священной пищи. Самки их вида крупнее и свирепее самцов, и это подношение — единственный способ уберечься от неминуемой смерти в её челюстях.

К тому же семенной мешок на конце гектокотилиа наполнен чистейшим питательным экстрактом, необходимым для вынашивания здорового потомства.

Ему безумно хотелось увидеть свою пару ещё хоть раз. Но, похоже, надежды не осталось.

Если она примет и съест его дар, его земной долг будет исполнен.

От этой мысли огромные багровые щупальца бессильно опустились на мокрый песок.

<http://bllate.org/book/20372/2106529>